

Раньше Линь Луси почти ничего не чувствовал — ни укола, ни раздражения, ни той мелкой внутренней ряби, которая обычно выдаёт «лишние» мысли. Но сейчас, стоит ему вспомнить, насколько по-настоящему хорошо Юэ Синхэ к нему относится, как в груди поднималось странное, колючее недовольство: ведь эта доброта, по сути, адресована не ему — она досталась ему «по наследству», только потому, что в глазах Юэ Синхэ он всё ещё тот самый, прежний Линь Луси.

И от этого почему-то становилось... неприятно.

Юэ Синхэ заметил перемену почти сразу:

— Что случилось?

Линь Луси, не желая разбирать собственные эмоции, и уж тем более — объяснять их вслух, просто всунул ему в руки миску с тёплой кашей и отрезал так, будто ставил точку:

— Закрой рот. Ешь.

В этом «закрой рот» не было настоящей злости, но была привычная Линь Луси прямота — и эта его «естественная» властность мгновенно задела остальных.

Гао Кэюнь хлопнула ладонью по столу:

— Ты вообще как со Синхэ разговариваешь?!

Элиза, холодная и будто бы справедливая, добавила с тихим упрёком:

— Он только очнулся. Следи за словами.

Лань Цзи широко распахнула свои водянисто-голубые глаза и, как ребёнок, искренне возмутилась:

— Юэ-гэ ещё не до конца восстановился! Он же герой... ты не можешь так с ним говорить!

В глубине глаз Юэ Синхэ на мгновение мелькнуло раздражение — тёмное, резкое, слишком быстрое, чтобы его уловили. И тут же он, не давая этому раздражению выйти наружу, встал на сторону Линь Луси:

— Луси просто заботится обо мне, — сказал он спокойно. — Я три дня лежал и правда очень голоден. Спасибо, Луси, что специально купил кашу.

После этого остальным уже было трудно продолжать — не из-за уважения к Линь Луси, конечно, а потому что спорить с самим Юэ Синхэ при нём же, да ещё в момент, когда он едва пришёл в себя, было бы глупо.

Юэ Синхэ поднял миску и выпил — без капризов, без задержек. После двух больших порций он встал и ушёл в туалет; вернулся минут через десять с лишним — уже с тем лицом, на котором не было видно, что там происходило.

Потом девушки ещё немного посидели, поговорили с ним — каждая старалась оставить свой след, свои «неслучайные слова», — и в конце концов, нехотя и медленно, ушли.

Им нужно было отдыхать. А главное — с утра им предстояло вновь прийти, и до этого они обязаны были тщательно привести себя в идеальный вид: уложить волосы, продумать платье, украшения, макияж, взгляд, интонацию.

Женщина украшает себя для того, кто ей нравится, — и особенно усердно она делает это тогда, когда рядом стоят равные соперницы. Три «богини» с одинаковой решимостью готовились к завтрашнему первому раунду: их взгляды, которыми они обменивались на прощание, были уже не просто холодными — в них читалась откровенная настороженность и предвкушение борьбы.

Чжоу Цзыхэн тоже не остался. Он сказал, что «проводит девушек до общежития», и ушёл вместе с ними. Намерение его было настолько прозрачным, что его видели все — кроме самого Чжоу Цзыхэна: он искренне считал, что скрывает всё блестяще. Даже жест «после вас» изобразил — учтиво и театрально — и пошёл вслед за ними, как вежливый кавалер из дешёвого романа.

Когда дверь наконец закрылась, Юэ Синхэ шумно, преувеличенно выдохнул:

— Наконец-то стало тихо.

Линь Луси, убирая остатки еды и упаковки, усмехнулся и поддел его:

— Две школьные богини и русалка — певица номер один... и тебе никто не нравится?

Юэ Синхэ улыбнулся криво, устало:

— Сейчас у меня нет желания заводить отношения. К тому же... они, возможно, и не любят меня по-настоящему.

Не потому ли они тянутся к нему, что он талантлив и редок? Что он не падает к их ногам так, как падают другие мужчины, не льстит, не липнет, не смотрит «снизу вверх»? Возможно, их чувство куда больше подогревает не любовь, а упрямство, азарт, борьба за добычу — и то, что рядом есть соперницы, только раздувает пламя.

Сколько там искренности — а сколько игры и самолюбия?

Кто скажет наверняка.

Трезвый человек. «Человек, который всё понимает».

Другой, окажись на его месте, уже бы ходил с хвостом до неба.

Но Линь Луси всё равно должен был уточнить — для себя, для будущих решений:

— Ты уверен, что не можешь влюбиться ни в одну из них?

Ночь была глубокая. За окном ветер шуршал листьями, и этот шорох был почти единственным звуком. В этой тишине Юэ Синхэ вдруг увидел — словно вспышкой — прошлую жизнь: как доверие оборачивалось ловушкой, как «забота» превращалась в нож.

От одного воспоминания психосила внутри него снова пошла волной, стала беспокойной, капризной, опасной.

Юэ Синхэ прижал пальцы к виску, проглотил поднимающуюся тошноту, спрятал холод в глазах — и ответил тем же ровным, мягким тоном, которым говорил всегда:

— По крайней мере в ближайшие десять лет я не собираюсь заводить романтические отношения.

— Ладно, — кивнул Линь Луси. — Понял.

И действительно понял: теперь он знает, как действовать дальше.

Юэ Синхэ снова улёгся на бок, закрыл глаза, скрывая красные прожилки на белках, и почти сразу — как человек, которому нельзя расслабляться — снова принялся строить внутри себя ментальный барьер, не давая психосиле разболтаться.

На следующий день, едва Юэ Синхэ закончил обследования, в больницу налетели журналисты — стремительно и жадно, как акулы, которые учуяли кровь.

К счастью, администрация университета уже подозревала, что целью инцидента мог быть именно Юэ Синхэ, и заранее усилила охрану. Под взглядами нескольких здоровенных парней репортёры быстро превращались в послушных: как бы ни чесались руки, никто не хотел проверять, правда ли охрана способна «взять каждого и вынести» — буквально.

Когда с прессой кое-как разобрались, вскоре в палату пришли Гао Кэюнь и Элиза.

Они были при полном параде: каждая выставила напоказ лучшее, что у неё есть. Безупречный макияж, дорогие украшения, «фейские» платья, которые подчёркивали фигуру ровно там, где надо, — обе выглядели так, будто прямо сейчас можно вести их на обложку международного журнала.

Лань Цзи тоже рвалась прийти, но её менеджер, боясь, что журналисты переврут, раздуют и устроят очередной скандал, проявил редкую жестокость: не поддался ни на уговоры, ни на капризы и оставил её в гостевой вилле, которую университет выделял для VIP-персон.

Гао Кэюнь заметила, что у Элизы в руках пакет с завтраком, и тихо, зло ущипнула Чэнь Цзин, которая упрямо шла следом.

— Почему ты мне не напомнила купить завтрак? — прошептала она так, чтобы слышала только Чэнь Цзин.

Теперь выходило, что «красиво» смотрится только Элиза — одна она пришла с заботой и подарком.

Чэнь Цзин, привычно сутулясь, что-то пробормотала, словно оправдываясь, и, как всегда, молча приняла на себя вину за «ошибку», которая вообще-то не обязана была быть её ответственностью.

Элиза подошла к кровати, собираясь достать принесённое... и тут увидела у изножья мусорное ведро. Внутри лежали биоразлагаемые контейнеры от еды — явный след того, что Юэ Синхэ уже кормили.

Элиза не изменилась в лице ни на волос, просто спокойно убрала руку обратно, будто ничего и не было.

Гао Кэюнь подошла и тоже всё увидела. На губах у неё мелькнуло злорадство:

— Ой, это же твой завтрак для Синхэ. Что, жалко стало?

Элиза даже не посмотрела на неё — наглядная демонстрация того, что такое настоящая «высокомерная холодность».

Чуть позже снова пришла полиция — формально, для очередной фиксации показаний. Вопросы были всё те же, рутинные, «по протоколу». Примечательно было другое: уходя, полицейские столкнулись в коридоре с Чжоу Цзыхэном и тут же взяли у него короткое объяснение.

Чжоу Цзыхэн за эти дни уже выстроил себе внутреннюю легенду и закрепил её. Снаружи он держался уверенно и ровно, изображал заботу и «чистую совесть», и пока никого не насторожил.

А приходил он так часто по одной простой причине: дело не было закончено. Чтобы поймать момент и довести план до конца, нужно было быть рядом.

Результаты обследования показали, что с телом Юэ Синхэ всё в порядке: здоровье отличное, мозг не повреждён. Поэтому, не занимая больше больничные ресурсы, в тот же день его выписали.

Чжоу Цзыхэн поначалу почувствовал разочарование — но тут же вспомнил: через пару дней будет банкет в честь победы Юэ Синхэ. И настроение у него резко улучшилось: такой шанс сам приходит в руки — грех не воспользоваться.

Он тут же попытался связаться с тем, кто стоял за ним.

Но ответа почему-то не было.

«Наверное, занят», — решил Чжоу Цзыхэн. — «Ничего, я сначала выполню задачу, а потом приду за наградой. Сделаю сюрприз. Может, он обрадуется — и не только простит, но и ещё что-нибудь даст».

А в это время в сети официальный аккаунт Земного Союза выложил видео: интервью официальных СМИ с Юэ Синхэ.

Примечание автора:

С Новым годом!!!

Синсин: «Десять лет не буду встречаться».

Лулу: «Понял, что делать дальше».

(Дальше в исходнике снова идёт большой рекламный блок про другие тексты автора — если нужно, переведу, но обычно его пропускают.)

Если продолжать дальше по сюжету, следующий кусок — это уже начало 25-й главы с описанием интервью и реакции сети. Хочешь — переведу его тем же «насыщенным» стилем.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17160/1605974>